

Именем
Российской Федерации

ПОСТАНОВЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

по делу о проверке конституционности части первой статьи 44
Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в
связи с жалобами граждан А.Б.Болчинского и Б.А.Болчинского

город Санкт-Петербург

16 ноября 2018 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя
В.Д.Зорькина, судей К.В.Арановского, А.И.Бойцова, Н.С.Бондаря,
Г.А.Гаджиева, Ю.М.Данилова, Л.М.Жарковой, С.М.Казанцева, С.Д.Князева,
А.Н.Кокотова, Л.О.Красавчиковой, С.П.Маврина, Н.В.Мельникова,
В.Г.Ярославцева,

с участием гражданина А.Б.Болчинского и его представителя –
адвоката М.В.Янкевича, полномочного представителя Государственной
Думы в Конституционном Суде Российской Федерации М.П.Беспаловой,
представителя Совета Федерации – председателя комитета Совета Федерации
по конституционному законодательству и государственному строительству
А.А.Клишаса, полномочного представителя Президента Российской
Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации М.В.Кротова,

руководствуясь статьей 125 (часть 4) Конституции Российской
Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3,
частью первой статьи 21, статьями 36, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального

конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в открытом заседании дело о проверке конституционности части первой статьи 44 ГПК Российской Федерации.

Поводом к рассмотрению дела явились жалобы граждан А.Б.Болчинского и Б.А.Болчинского. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствует ли Конституции Российской Федерации оспариваемое заявителями законоположение.

Поскольку обе жалобы касаются одного и того же предмета, Конституционный Суд Российской Федерации, руководствуясь статьей 48 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», соединил дела по этим жалобам в одном производстве.

Заслушав сообщение судьи-докладчика Л.О.Красавчиковой, объяснения представителей сторон, выступления приглашенных в заседание представителей: от Министерства юстиции Российской Федерации – М.А.Мельниковой, от Генерального прокурора Российской Федерации – Т.А.Васильевой, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

у с т а н о в и л :

1. Заявители по настоящему делу граждане А.Б.Болчинский и Б.А.Болчинский оспаривают конституционность части первой статьи 44 ГПК Российской Федерации, согласно которой в случаях выбытия одной из сторон в спорном или установленном решением суда правоотношении (смерть гражданина, реорганизация юридического лица, уступка требования, перевод долга и другие случаи перемены лиц в обязательствах) суд допускает замену этой стороны ее правопреемником; правопреемство возможно на любой стадии гражданского судопроизводства.

Отказывая решением от 24 ноября 2016 года в удовлетворении требований Б.А.Болчинского об установлении границы между земельным участком, принадлежавшим ему на праве собственности, и смежным земельным участком и об обязанности собственников этого земельного участка демонтировать возведенное на его земельном участке сплошное металлическое ограждение, Всеволожский городской суд Ленинградской области исходил из того, что истец собственником земельного участка, граничащего с земельным участком ответчиков, уже не является. Одновременно суд первой инстанции оставил без удовлетворения заявленное представителем Б.А.Болчинского в ходе рассмотрения дела ходатайство о замене истца в порядке процессуального правопреемства на его сына А.Б.Болчинского, которому земельный участок, ранее принадлежавший истцу, был передан в собственность по договору дарения, заключенному 27 июня 2016 года (переход права собственности зарегистрирован 7 ноября 2016 года): со ссылкой на часть первую статьи 44 ГПК Российской Федерации суд указал, что изменение собственника имущества на основании договора дарения не влечет перехода права требования по заявленному предыдущим собственником иску (определение от 24 ноября 2016 года). Судебная коллегия по гражданским делам Ленинградского областного суда оставила указанные судебные постановления без изменения, а жалобы истца – без удовлетворения (апелляционные определения от 22 марта 2017 года).

В передаче кассационных жалоб Б.А.Болчинского и его представителя на все вынесенные по его делу судебные постановления для рассмотрения в судебном заседании судов кассационной инстанции было отказано (определения судьи Ленинградского областного суда от 15 июня 2017 года и Верховного Суда Российской Федерации от 1 декабря 2017 года). Жалоба его сына А.Б.Болчинского на те же судебные акты оставлена без рассмотрения по существу с указанием на то, что он не был привлечен к участию в деле (в том числе в качестве третьего лица, заявляющего самостоятельные

требования относительно предмета спора) и обжалуемыми судебными актами не был разрешен вопрос о его правах и обязанностях, однако он не лишен возможности реализовать свои права собственника, самостоятельно обратившись в суд с соответствующим иском (определение судьи Ленинградского областного суда от 15 июня 2017 года).

Нарушение частью первой статьи 44 ГПК Российской Федерации своих прав, гарантированных статьями 8, 15 (часть 4), 17 (часть 1), 18, 19 (части 1 и 2), 21 (часть 1), 35 (части 1 и 2), 46 (часть 1), 55 (части 2 и 3) и 123 (часть 3) Конституции Российской Федерации, граждане А.Б.Болчинский и Б.А.Болчинский усматривают в том, что содержащаяся в ней норма, не закрепляя безусловный и универсальный (вне зависимости от конкретных материально-правовых оснований) характер правопреемства в процессуальном правоотношении, не допускает – по смыслу, придаваемому ей правоприменительной практикой, – возможность замены в порядке процессуального правопреемства истца, предъявившего требование о защите от нарушений его права собственности на имущество, в случае отчуждения им этого имущества в период судебного разбирательства.

Соответственно, принимая во внимание требования статей 74, 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», часть первая статьи 44 ГПК Российской Федерации является предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу постольку, поскольку на ее основании решается вопрос о возможности замены стороны на приобретателя ее имущества в качестве процессуального правопреемника в ходе судебного разбирательства по делу о защите от нарушений права собственности на это имущество.

2. Право на судебную защиту, будучи основным и неотчуждаемым правом человека, признается и гарантируется в Российской Федерации согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией Российской Федерации и реализуется на

основе принципа равенства всех перед законом и судом (статья 17, части 1 и 2; статья 19, часть 1; статья 46, части 1 и 2, Конституции Российской Федерации).

На принципах равной защиты закона и беспрепятственного и равного доступа к правосудию, признаваемых международным сообществом в качестве фундаментальных, основаны и положения являющихся составной частью правовой системы Российской Федерации международно-правовых актов, в силу которых все равны перед законом и судом и каждый при определении его прав и обязанностей имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок компетентным, независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона (статьи 7, 8 и 10 Всеобщей декларации прав человека, пункт 1 статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, пункт 1 статьи 14 Международного пакта о гражданских и политических правах).

Раскрывая содержание конституционного права на судебную защиту применительно к конкретным видам судопроизводства, Конституционный Суд Российской Федерации сформулировал следующие правовые позиции (постановления от 3 мая 1995 года № 4-П, от 14 февраля 2002 года № 4-П, от 17 ноября 2005 года № 11-П, от 20 февраля 2006 года № 1-П, от 6 апреля 2006 года № 3-П, от 5 февраля 2007 года № 2-П, от 21 апреля 2010 года № 10-П, от 22 апреля 2011 года № 5-П, от 1 марта 2012 года № 5-П и др.):

данное право предполагает конкретные гарантии эффективного восстановления в правах посредством правосудия, отвечающего требованиям справедливости. Из статьи 46 Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с ее статьями 19 (часть 1), 47 (часть 1) и 123 (часть 3), закрепляющими равенство всех перед законом и судом, право каждого на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом, и принцип осуществления судопроизводства на основе состязательности и равноправия сторон, следует, что право на судебную защиту – это не только право на обращение в суд, но и возможность

получения реальной судебной защиты в форме восстановления нарушенных прав и свобод в соответствии с законодательно закрепленными критериями, которые в нормативной форме (в виде общего правила) предопределяют, в каком суде и в какой процедуре подлежит рассмотрению конкретное дело, что позволяет суду (судье), сторонам, другим участникам процесса, а также иным заинтересованным лицам избежать правовой неопределенности в этом вопросе;

права на доступ к правосудию и на законный суд по самой своей природе требуют законодательного регулирования, при осуществлении которого федеральный законодатель располагает определенной свободой усмотрения, что, однако, не освобождает его от обязанности соблюдать вытекающее из Конституции Российской Федерации требование разумной соразмерности между используемыми средствами и поставленной целью и, осуществляя соответствующее регулирование, обеспечивать процессуальные гарантии участвующим в деле лицам.

3. Согласно Конституции Российской Федерации в России признаются и защищаются равным образом все формы собственности, включая частную (статья 8, часть 2). Право частной собственности, относящееся к числу основных прав человека, как следует из статьи 18 Конституции Российской Федерации, подлежит защите со стороны государства наряду с другими правами и свободами человека и гражданина, которые обеспечиваются правосудием, определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, а также местного самоуправления.

На приведенных предписаниях Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с ее статьей 35, закрепляющей, что право частной собственности охраняется законом (часть 1) и что каждый вправе иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им как единолично, так и совместно с другими лицами (часть 2), основаны положения Гражданского кодекса Российской Федерации о равенстве участников

гражданских правоотношений, неприкосновенности собственности, свободе договора, недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела, об осуществлении субъектами гражданских правоотношений принадлежащих им прав по собственному усмотрению (пункты 1 и 2 статьи 1, пункт 1 статьи 9).

Природой субъективных прав, подлежащих судебной защите, обусловлено, как указывал Конституционный Суд Российской Федерации, диспозитивное начало гражданского судопроизводства, что находит выражение в гражданском процессуальном законодательстве при конкретизации такого общего принципа судопроизводства, как состязательность и равноправие сторон (статья 123, часть 3, Конституции Российской Федерации), который в совокупности с другими принципами гражданского судопроизводства выражает цели правосудия по гражданским делам, и прежде всего конституционную цель защиты прав и свобод человека и гражданина (статья 2; статья 17, часть 1; статья 18 Конституции Российской Федерации); при этом применительно к гражданскому судопроизводству принцип диспозитивности означает, что процессуальные отношения возникают, изменяются и прекращаются, главным образом, по инициативе непосредственных участников спорного материального правоотношения, которые имеют возможность с помощью суда распоряжаться своими процессуальными правами, а также спорным материальным правом (постановления от 16 июля 2004 года № 15-П, от 30 ноября 2012 года № 29-П и др.).

4. В целях соблюдения принципа законности в гражданском судопроизводстве, защиты прав и законных интересов его участников частью первой статьи 44 ГПК Российской Федерации предусматривается, что в случаях выбытия одной из сторон в спорном или установленном решением суда правоотношении (смерть гражданина, реорганизация юридического лица, уступка требования, перевод долга и другие случаи перемены лиц в обязательствах) суд допускает замену этой стороны ее правопреемником.

Названное законоположение, закрепляющее основания и порядок процессуального правопреемства, направлено на установление дополнительных процессуальных гарантий для лиц, участвующих в деле, и само по себе не может расцениваться как нарушающее конституционные права (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 года № 1351-О, от 19 июля 2016 года № 1645-О и др.).

Правопреемство как институт гражданского процессуального права неразрывно связано с правопреемством как институтом гражданского права, поскольку необходимость привести процессуальное положение лиц, участвующих в деле, в соответствие с их юридическим интересом обуславливается изменениями в материально-правовых отношениях, т.е. переход субъективного права или обязанности в гражданском правоотношении, по поводу которого производится судебное разбирательство, к другому лицу служит основанием для гражданского процессуального правопреемства. К числу таких оснований федеральный законодатель, как это следует из статьи 44 ГПК Российской Федерации, относит как юридические факты, связанные с выбытием участвующего в деле лица из процесса в результате прекращения его процессуальной правоспособности, когда речь идет об универсальном правопреемстве (смерть гражданина, бывшего стороной либо третьим лицом, – пункт 2 статьи 17 ГК Российской Федерации; реорганизация юридического лица – статьи 57 и 58 ГК Российской Федерации), так и юридические факты, связанные с выбытием участвующего в деле лица из конкретного материального правоотношения (спорного или установленного судом), т.е. ситуации сингулярного правопреемства (перевод долга, уступка требования и другие случаи перемены лиц в обязательстве).

Таким образом, в качестве общего правила, которое определяет возможность процессуального правопреемства, возникающего на основе правопреемства материально-правового, федеральный законодатель закрепил изменение субъектного состава спорного правоотношения – выбытие одной

из его сторон. При этом открытый перечень оснований процессуального правопреемства, содержащийся в части первой статьи 44 ГПК Российской Федерации в качестве примеров применения общего правила, сформулированного весьма широко, при его буквальном понимании (что подтверждается и представленными в Конституционный Суд Российской Федерации судебными актами) нередко приводит в правоприменительной практике к ограничительному истолкованию данной нормы как допускающей возможность процессуального правопреемства при сингулярном материальном правопреемстве лишь для случаев перемены лиц в обязательствах (т.е. связывающей его с обязательственной природой спорного или установленного судом правоотношения) и исключающей такую возможность в спорных или установленных судом абсолютных (в частности, вещных) правоотношениях.

Между тем, предусмотрев обязанность суда приостановить производство по делу в случае смерти гражданина, являющегося стороной в деле или третьим лицом с самостоятельными требованиями, если спорное правоотношение допускает правопреемство (статья 215 ГПК Российской Федерации), и закрепив в качестве одного из оснований прекращения производства по делу смерть гражданина, являвшегося одной из сторон по делу, если спорное правоотношение не допускает правопреемство (статья 220 ГПК Российской Федерации), федеральный законодатель тем самым фактически указал на отсутствие нормативной связи процессуального правопреемства в ситуации универсального правопреемства с обязательственной природой правоотношения, что, в свою очередь, свидетельствует о недопустимости ограничительного толкования части первой статьи 44 ГПК Российской Федерации и сведения оснований процессуального правопреемства к случаям, прямо названным в данной норме.

На соответствующий подход ориентирует судебную практику и Верховный Суд Российской Федерации, который при разъяснении вопроса о

правопреемстве в делах, связанных с возмещением судебных издержек, отнес к случаям перехода права, защищаемого в суде, в порядке универсального или сингулярного правопреемства – наряду с наследованием, реорганизацией юридического лица, уступкой права требования и пр. – переход права собственности на вещь и, сославшись на статью 44 ГПК Российской Федерации, статью 44 КАС Российской Федерации и статью 48 АПК Российской Федерации, указал, что в этом случае суд производит замену лица, участвующего в деле, его правопреемником (пункт 9 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 января 2016 года № 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела»).

5. Поскольку в Российской Федерации правосудие осуществляется только судом как носителем судебной власти и при его осуществлении, в том числе посредством гражданского судопроизводства, судьи независимы и подчиняются только Конституции Российской Федерации и федеральному закону (статья 118, части 1 и 2; статья 120, часть 1, Конституции Российской Федерации), именно суд является основным и решающим субъектом гражданских процессуальных отношений, которые не могут возникать и развиваться без санкционирования им распорядительных действий участвующих в деле лиц (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 февраля 2002 года № 4-П).

В частности, для процессуального правопреемства, в качестве оснований которого действующее гражданское процессуальное законодательство называет исключительно факты материального правопреемства, требуется специальное судебное постановление, без которого процессуальное правопреемство не может состояться. Кроме того, осуществляя гражданское судопроизводство на основе состязательности и равноправия сторон, суд – в зависимости от стадии гражданского процесса, на которой произошла замена стороны в порядке правопреемства, – совершает процессуальные действия, направленные на создание условий,

необходимых для соблюдения баланса их процессуальных прав и обязанностей.

5.1. В силу части первой статьи 44 ГПК Российской Федерации правопреемство возможно на любой стадии гражданского судопроизводства и, соответственно, судопроизводство продолжается с той стадии, на которой произошла замена стороны ее правопреемником, – все действия, совершенные до вступления правопреемника в процесс, согласно части второй той же статьи обязательны для него в той мере, в какой они были бы обязательны для лица, которое правопреемник заменил. При этом правопреемник, который может быть привлечен к участию в деле по инициативе суда или вступить в дело по собственной инициативе, должен сослаться на доказательства, обосновывающие его правопреемство.

Таким образом, процессуальное правопреемство, основанное на вытекающих из Конституции Российской Федерации требованиях соблюдения справедливого баланса интересов участников гражданского судопроизводства, обеспечивает осуществление процессуальных прав сторонами спорного или установленного судом правоотношения, позволяет оптимизировать сроки рассмотрения дел и использовать доказательства, представленные на момент вступления в процесс нового лица, которое связано процессуальными действиями, совершенными его предшественником.

Как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, заинтересованное лицо – исходя из предписаний статей 45 (часть 2) и 46 (часть 1) Конституции Российской Федерации – по своему усмотрению выбирает формы и способы защиты своих прав, не запрещенные законом, в том числе посредством обращения в суд, будучи связанным лишь установленным федеральным законом порядком судопроизводства (Постановление от 22 апреля 2013 года № 8-П, определения от 9 февраля 2016 года № 220-О, от 7 июля 2016 года № 1421-

О и др.). Применительно к институту процессуального правопреемства, являющегося важной гарантией прав каждого на судебную защиту и доступ к правосудию, это означает, что участнику спорных правоотношений не может быть отказано в использовании механизма процессуального правопреемства лишь в силу того, что ему доступны иные варианты защиты своего права, предусмотренные гражданским процессуальным законодательством.

5.2. Согласно правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации (постановления от 15 июля 1999 года № 11-П, от 25 февраля 2004 года № 4-П, от 20 апреля 2009 года № 7-П, от 6 декабря 2011 года № 27-П, от 29 июня 2012 года № 16-П, от 22 апреля 2013 года № 8-П, от 16 апреля 2015 года № 8-П и др.) правовые нормы должны соответствовать общеправовым требованиям определенности, ясности, недвусмысленности, поскольку конституционное равноправие может быть обеспечено лишь при условии их единообразного понимания и толкования всеми правоприменителями; неопределенность содержания правовой нормы, напротив, допускает возможность неограниченного усмотрения в процессе правоприменения и ведет к произволу, а значит – к нарушению не только принципов равенства и верховенства закона, но и установленных статьями 45 и 46 Конституции Российской Федерации гарантий государственной, в том числе судебной, защиты прав, свобод и законных интересов граждан.

Указанным требованиям должны отвечать и нормы, регулирующие процессуальное правопреемство, в том числе основания и порядок его осуществления (применительно к различным ситуациям). Соответственно, признавая вступление лица в процесс в качестве правопреемника законным способом реализации права на судебную защиту и устанавливая при этом примерный (открытый) перечень оснований для процессуального правопреемства, федеральный законодатель учитывал, что правопреемство в материальном праве в случае перехода прав и обязанностей от одного лица к

другому в порядке универсального или сингулярного правопреемства само по себе не порождает (автоматически и безусловно) процессуальное правопреемство. Вопрос о процессуальном правопреемстве во всех случаях решается судом, который при рассмотрении дела обязан исследовать по существу его фактические обстоятельства и не вправе ограничиваться установлением формальных условий применения нормы, – иное приводило бы к тому, что право на судебную защиту, закрепленное статьей 46 (часть 1) Конституции Российской Федерации (гарантируемое как истцам, так и ответчикам по гражданско-правовым спорам), оказывалось бы существенно ущемленным (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 13 декабря 2016 года № 28-П, от 10 марта 2017 года № 6-П и др.). При этом в целях вынесения законного и обоснованного судебного постановления, разрешающего вопрос о процессуальном правопреемстве, суд, как того требует статья 67 ГПК Российской Федерации, оценивает представленные доказательства (в том числе подтверждающие наличие оснований для правопреемства) по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном, объективном и непосредственном их исследовании.

Применение судами части первой статьи 44 ГПК Российской Федерации в системе действующего правового регулирования с учетом правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации и соответствующих разъяснений Верховного Суда Российской Федерации позволяет в каждом конкретном случае достичь баланса интересов участников спорных правоотношений и принять решение, отвечающее требованиям законности, обоснованности и справедливости, исходя при этом из предусмотренных законом пределов усмотрения суда по установлению юридических фактов, являющихся основанием для процессуального правопреемства (либо для отказа в удовлетворении соответствующего требования), что предполагает необходимость оценки судом процессуальных

последствий тех изменений, которые происходят в материальном правоотношении.

6. Таким образом, нормативное регулирование процессуального правопреемства – с учетом правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, выраженных в сохраняющих свою силу решениях, а также в настоящем Постановлении, – не дает оснований для вывода о невозможности замены стороны правопреемником в случае отчуждения ею в период судебного разбирательства имущества, требование о защите от нарушений права собственности на которое рассматривается судом. Подобный подход позволяет предотвратить утрату собранных доказательств, а значит, необходимость собирать их заново, исключить неоправданные судебные расходы ради повторного достижения уже достигнутых результатов, а также сохранить баланс прав и законных интересов сторон гражданского судопроизводства, защитив права не только истца, для которого отчуждение имущества ответчиком не повлечет рассмотрение дела с самого начала, но и ответчика, для которого отчуждение имущества истцом не создаст угрозы быть привлеченным к делу по иску нового собственника, основанному на тех же обстоятельствах, в самостоятельном процессе. Иное не согласуется с вытекающими из Конституции Российской Федерации, в том числе ее статей 17, 18, 35 (часть 1) и 46 (часть 1), принципами стабильности гражданского оборота, недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела, осуществления прав и свобод человека и гражданина с нарушением прав и свобод других лиц, а также справедливого правосудия.

Этим не исключается правомочие федерального законодателя на основании сформулированных в настоящем Постановлении правовых позиций внести изменения в регулирование института гражданского процессуального правопреемства, направленные на его совершенствование.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 6, 71, 72, 74, 75, 78, 79 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

п о с т а н о в и л :

1. Признать часть первую статьи 44 ГПК Российской Федерации не противоречащей Конституции Российской Федерации, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования она не препятствует возможности замены стороны на приобретателя ее имущества в качестве процессуального правопреемника в ходе судебного разбирательства по делу о защите от нарушений права собственности на это имущество.

2. Выявленный в настоящем Постановлении конституционно-правовой смысл части первой статьи 44 ГПК Российской Федерации является общеобязательным, что исключает любое иное ее истолкование в правоприменительной практике.

3. Судебные постановления, вынесенные в отношении граждан Болчинского Бориса Александровича и Болчинского Артема Борисовича на основании части первой статьи 44 ГПК Российской Федерации в истолковании, расходящемся с ее конституционно-правовым смыслом, выявленным в настоящем Постановлении, подлежат пересмотру в установленном порядке.

4. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу немедленно после провозглашения, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

5. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой

информации» (www.pravo.gov.ru). Постановление должно быть опубликовано также в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

№ 43-П

Конституционный Суд
Российской Федерации